

РОМАН БАЛАЯН: «Я НЕ СНИМАЮ РАДИ ДЕНЕГ. И МНЕ ЭТО НРАВИТСЯ»

Автору «Полетов во сне и наяву» интересны не супермены, а слабые

Независимая газета - 2001 - 25 сент. - с. 9

Екатерина Сальникова

РОМАН, собираетесь ли вы снимать?

— За день до приезда в Ялту я отказался от сценария, над которым работал с автором пять лет. Теперь я абсолютно свободен в выборе, что мне делать — или ничего не делать. Последнее мне больше нравится.

— Почему вы решили так жестко поступить?

— Я хотел высказаться о нашем времени, но чувствовал, что мне все равно не уйти от некоей публицистичности. Я могу снимать плохие фильмы — но у меня никогда не бывало публицистики. Я имею в виду, что сам сценарий не вполне художественно полноценный... Может быть, для такого фильма, какой я замысливал, еще рано — такие вещи должны отстояться, быть проверены временем...

— Но чем-то же вы занимаетесь?

— Уже года три у меня есть своя студия в Киеве «Иллюзион филмс», которая снимает телесериалы. На ней сняли «След оборотня», который прошел по ТВ-6. Сейчас Вячеслав Криштофович заканчивает новый сериал, где нет ни одного выстрела, просто протекает ежесекундная жизнь семьи. В ролях, помимо местных актеров, Олег Басилашвили, Лариса Удовиченко, Екатерина Васильева. С помощью своей студии я могу зарабатывать некий минимум — то есть минимум по сравнению с теми деньгами, которые бы у меня были, если бы я сам снимал кино. Но я не люблю из-за денег снимать фильмы. И не снимаю.

Это, конечно, несколько уклончивая позиция. Но, с другой стороны, почему уклончивая? В таких

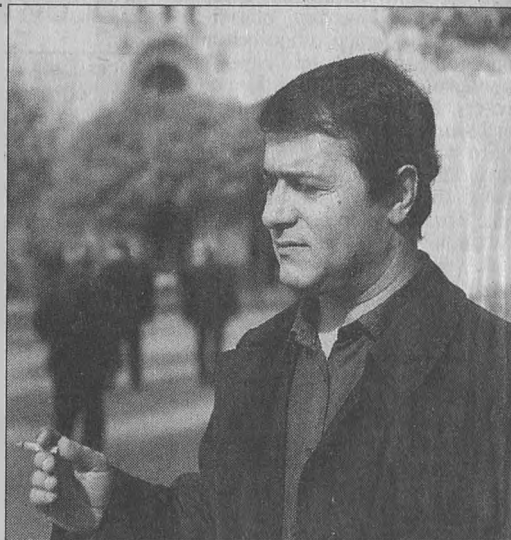
случаях говорят: «А как же профессия? Старик, надо же снимать...» А почему надо снимать? Не буду называть, какие именно, но четыре из девяти моих картин были сняты из-за денег. Тогда хотелось раздвинуть ряды режиссеров, занять свое место. Сейчас у меня этого нет. И если мне будут говорить: «Старик, надо снять фильм, ты получишь Гран-при в Канне, но только надо сделать то-то и то-то...» Я не тот человек, который на это пойдет.

— А какая перспектива может для вас что-то изменить?

— Личная убежденность, что надо снимать это — и больше ничего. А сейчас я как бы в междуречье. И мысли у меня как у всего постсоветского народа — о том, как все плохо. Наконец так получилось, что интеллигенция сравнялась с народом. Я имею в виду, что она находится с ним в одинаково бесперспективном положении. Сейчас вся интеллигенция или, скажем так, все передовое население также страдает и также недовольно своей жизнью, как и 80% народа, которым интеллигенция раньше никогда не интересовалась.

Раньше она высказывалась о том, что народу плохо. Но сама себя частью народа не ощущала. И я, и некоторые другие режиссеры считали, что снимаем для какой-то части населения, а не для всех. А сейчас уже фильмы не могут быть сделаны так, чтобы их смотрели только твои друзья. Нужен другой тип режиссуры, когда интересно и тебе, и друзьям, и всем прочим. В большинстве своем фильмы должны быть именно такие. Вот, например, «Крестный отец» — первый фильм с Марлоном Брандо. Я уверен, что эта картина нравится всем — от олигофрена до академика. Вот моя меч-

Будучи председателем жюри на ялтинском Международном телекинофоруме «Вместе», режиссер Роман Балаян прилежно смотрел фильмы своих коллег, а в свободное время общался с критикой. В интервью «НГ» Балаян объясняет, почему он уже пять лет не запускает никаких авторских проектов.

Каннам Роман Балаян предпочитает Киев.
Фото ИТАР-ТАСС

та. Если бы я был режиссером такого фильма — о, я бы все время снимал кино...

— В свое время «Полеты во сне и наяву» оказались фильмом, который запечатлел самую суть эпохи. Человек средних лет пытается осмыслить жизненный тупик. А каков сейчас наиболее символический сюжет?

— «Полеты во сне и наяву» мне в каком-то смысле даже помешали. Потому что после них все, что бы я ни делал, сравнивали с «Полетами...». Но это был мой, так сказать, гражданский фильм. А после «Полетов...» я снял «Поцелуй» и был гораздо больше доволен собой. Что касается сюжета — сейчас универсального сюжета нет. Я ведь отверг сценарий, герой которого — такой же человек, как и герой

«Полетов...». Человек, который в любое время в оппозиции против скучной, против так называемой размеренной (пауза)... кем-то жизни, которой надо жить... И он впервые на личном примере понимает, что таких, как он, миллионы. А раньше таких было несколько сотен тысяч.

Но, оттого что я хочу «прыгнуть» сразу к миллионам, я острожножничую. Те, кто определился в нынешней общественной жизни, могут этот сюжет неправильно понять. Я это проверяю, рассказывая сюжет. И на некоторых лицах вижу такую реакцию: «Ну, что, старик, ну, пусть этот герой двигается, пусть суетится. Наш народ вообще ленивый...» Но о лениности народа можно говорить, если у этого народа есть на-

стоящее равноправие — равенство шансов, а не только движение локтями упругих и крутых. Я называю наши годы эпохой мародерства.

— Все говорят, что в прокате мало отечественного кино...

— На культуру нужны деньги. И в большом количестве. Тогда будут फिल्мы — в том числе жанровые, которые интересны многим. Раньше мы презирали жанровое кино — а ведь это и есть кино для зрителя. Я понимаю, когда на фоне многообразия жанрового кинематографа существует кино авторское. А когда на фоне ничего нет и есть только авторское кино...

Если снимается десять фильмов, то один может быть очень хорошим, а пять — просто имеющих кассу. Если снимаются две-три картины — при чем тут претензии, что не крутят наши фильмы, не смотрят? Пока на «Мосфильме» не будет делаться сорок фильмов в год — все это смешно. Зритель сейчас тоскует не по современному нашему фильму, а по прошлому картина. Там было недовольство духовной жизнью, но довольство ее материальной частью. А сейчас идут фильмы о том, как выживать, — и это не очень интересно...

— Нынешняя жизнь не способна вдохновлять?

— Нет. И не будет вдохновлять, пока мы не поймем, для чего у нас все перестроилось. Говорят, «народ всегда найдет свой путь», но это отговорка. Индейцы тоже думали, что найдут свой путь. Еще сейчас все говорят в разных республиках — «нужна национальная идея». Но объединяет по-настоящему только наднациональная идея.

— Что вызывает у вас наибольшее неприятие в современном кино?

— На экране стали очень легко поступать с человеческой жизнью. Если раньше кто-то погибал, это была трагедия. А сейчас просто устаешь считать трупы.

— Какой герой был бы вам сегодня интересен?

— Мне всегда был интересен человек слабый. Не супермен. Слабых людей много. Ими и надо заниматься, про них и снимать.